

СЕЛЕСТА
БРЭДЛИ

*Самый
желанный*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Celeste Bradley
DUKE MOST WANTED

Перевод с английского *Е.В. Моисеевой*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыши*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Брэдли, Селеста.

Б89 Самый желанный : роман / Селеста Брэдли ; [пер. с англ. Е. В. Моисеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-096020-0

Блеск шумного лондонского света не слишком привлекает Софи Блейк — ей куда приятнее проводить время со старым другом, неисправимым повесой Грэмом Кавендишем, который ценит в ней не красоту, а характер и острый ум... по крайней мере, так считает Софи. Она и понятия не имеет, какую душевную рану скрывает под внешним легкомыслием Грэм, не знает, что он в действительности любит ее больше жизни, но не может предложить любимой руку и сердце — ведь он разорен и должен найти богатую невесту, чтобы сохранить фамильное поместье. Но что случится, если однажды Кавендиш не сможет совладать со своей страстью?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Celesta Bradley, 2008
© Перевод. Е.В. Моисеева, 2016
ISBN 978-5-17-096020-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Давным-давно, чудесным весенним днем три крошечных девочки — кузины и будущие соперницы — вместе играли на лужайке обычного английского поместья.

Старшая, Софи, наблюдая за жучком на тропе, присела так неловко, что подол ее платья оказался в пыли. Средняя, Феба, ласковая и непосредственная, охотилась за бабочкой. Самая юная, Дирдре, поразительно хорошенькая малышка, выхватила жука из-под носа у Софи и, не обращая внимания на протесты кузины, съела его.

Их матери (печальная и разочарованная жизнью вдова — мать Софи, добрая, но изможденная заботами супруга викария — мать Фебы, и почти бесплотная, болезненная красавица — мать Дирдре) наблюдали за ними, сидя на одеяле, еще не сложенном после их общего пикника.

Мать Софи, кузина обеих женщин — сестер, — с раздражением попыталась прихлопнуть некое многоногое существо, имевшее несчастье заползти ей на юбку.

— Что за глупая фантазия, — пробормотала она, — ненавижу есть не за столом.

Мать Фебы, единственная из женщин, чьи руки хранили следы настоящих трудов, осторожно сняла подозрительное насекомое, выпустила его в траву и улыбнулась, взглянув на весело играющую дочь.

— Бог с ними, с гусеницами. Лично я рада, что просто сижу.

Мать Дирдре обмахнула свои бледные щеки и тоже улыбнулась.

— Я в последнее время мало бываю на воздухе. И так приятно видеть, как девочки играют вместе!

Мать Софи долго смотрела на собственную дочь, потом перевела взгляд на двух хорошеньких дочек своих кузин. Конечно, вслух об этом не говорили, но было и так ясно, что из всех троих не Софи быть самой красивой.

О фонде Пикеринга тоже не говорили. Но разве могут они не думать, пусть и заранее, о том, что их дочерям может представиться шанс, который сами они, со всей очевидностью, упустили?

Конечно, одна из сестер нашла себе достаточно богатого человека, но, разумеется, не герцога, вовсе не герцога. Второй сестре достался всего лишь викарий. Ее собственное положение ненамного лучше. Правда, покойный муж прилично обеспечил ее, но если смотреть правде в глаза, то сейчас она практически на той же ступени социальной лестницы, с которой начинала.

Да, жизненного успеха должно добиться следующее поколение. Мать Софи с грустью рассматривала угловатые колени дочери, следила за ее неловкими движениями. Софи унаследовала даже нос Пикерингов.

Неужели такую девушку захочет получить в жены герцог?

«Я, сэра Хеймиш Пикеринг, находясь в здравом уме и твердой памяти, делаю следующее заявление и выражаю свою последнюю волю.

Я в жизни достиг всего, чего может достичь мужчина, благодаря хватке, уму и стойкости, которых у меня вдвое больше, чем у любого бездельника-аристократа.

С женщинами дело обстоит иначе. Красота позволяет женщине через супружество подняться до любой высоты, даже до положения герцогини.

В этом смысле мои собственные дочери меня разочаровали. Мораг и Финелла, я потратил на вас немало денег, с тем чтобы вы могли составить достойные партии, но на это у вас не хватило духу. Вы рассчитывали, что жизнь все преподнесет вам на блюдечке, а теперь любой женщине из нашей семьи, рассчитывающей хотя бы на фартинг из моих денег, следует его заработать.

Настоящим я объявляю, что все мое состояние не подлежит передаче моим бесполезным дочерям, а будет храниться в фонде для той из моих внучек или правнучек, которая выйдет замуж за герцога или мужчину, которому предстоит стать герцогом по праву наследования, и тогда указанный фонд перейдет в ее, и только ее владение.

Если у нее будут нуждающиеся сестры или кузины, то каждая из них может получить пожизненный доход в пятнадцать фунтов в год. Если у нее будут братья или кузены — хотя непохоже, что в этой семье могут родиться не дочери, что же, тем хуже, — каждый из них получит по пять фунтов, ибо как раз такая сумма была у меня в кармане, когда я приехал в Лондон. Любой шотландец, стоящий дороже, чем порция фаршированного рубца, способен за несколько лет превратить пять фунтов в пятьсот.

Каждая из девушек получит определенную сумму при дебюте в обществе на туалеты и тому подобное.

Если три поколения девиц семейства Пикерингов не добьются успеха, я умываю руки и отказываюсь от вас. В этом случае все пятнадцать тысяч фунтов пойдут на уплату штрафов и помощь смельчакам, которые бросают вызов таможенникам, мешающим поставкам виски, ибо оно было моим единственным утешением в этом семействе пустоголовых кукол.

Если бы ваша мать, эта святая женщина, могла видеть вас сейчас!

Подписано:

Сэр Хеймиш Пикеринг

Свидетели:

Б. Р. Стикли, А. М. Вулф

Адвокатская контора “Стикли и Вулф, поверенные”».

Минуло почти двадцать лет, и вот три молодые леди в сопровождении мачехи Дирдре приехали в Лондон, чтобы впервые появиться в обществе.

Сначала казалось, что хорошенькой, искренней Фебе достанется почти герцог. А когда она сбежала с его сводным братом, известным шалопаем, то красивая и своевольная Дирдре тут же вцепилась в оставшегося брата-маркиза, и буквально через несколько недель выскочила замуж.

Возможно, Дирдре действительно была отчаянно влюблена в своего новоприобретенного мужа, вот только он не был ею доволен. К счастью, когда она отказалась играть роль нежной матери по отношению к его почти неуправляемой дочери Мэгги, возникли трения, потом искры и наконец разгорелось буйное пламя — пламя супружеской любви.

Поскольку высокородный красавец — супруг Дирдре должен был вскоре унаследовать титул герцога Брукмора, то все, естественно, полагали, что лишь время отделяло Дирдре от весьма внушительной суммы денег, в которой она не очень-то и нуждалась.

Софи, высокая, заурядная и не слишком общительная, никогда не тешила себя надеждой на это наследство. Строго говоря, сдержанная и даже замкнутая Софи никогда и не встречала ни одного герцога.

Глава 1

Англия, 1815 год

Если бы год назад кто-нибудь сказал Софи Блейк, что нынче вечером она будет сидеть на коврике у камина в обществе одного из самых привлекательных и популярных людей Лондона, она бы просто расхоталась.

Тем не менее вот она здесь — лениво греется у огня, с восхищением глядя на лорда Грэма Кавендиша, высокого, потрясающе красивого мужчину, а его длинные ловкие пальцы умело ощупывают нежную ладонь Софи.

— О! — вскрикнула девушка и отдернула руку.

— Вытащил! — Грэм с триумфом поднял руку, затем поднес пальцы к глазам. Яркие зеленые глаза впилась в добычу. — Синий осколок стекла? Боже, как вы умудрились им пораниться?

Что касается Софи, то для нее вопрос состоял не в том, как это случилось. Двадцать семь лет она только и делала, что из-за своей неловкости била ценные стеклянные предметы, так что, по-хорошему, сейчас могла быть просто утыкана стекляшками и сверкать, как церковный витраж. Потому она с невинным видом пожала плечами и ответила:

— Понятия не имею. Но благодарю вас. Ладонь сильно болела.

Он поклонился с комическим видом:

— Ни дня без доброго дела. — И отошел от огня, куда привел ее, чтобы при свете камина лучше рассмотреть ладонь.

Молодые люди находились в парадной гостиной арендованного дома на Примроуз-стрит, вблизи фешенебельного квартала Мейфэр. У Софи не было возможности самостоятельно выбирать место жительства, но этот дом устроил бы ее полностью, если бы не присутствие леди Тессы, опекающей ее дамы.

Нельзя сказать, что хитрая и язвительная Тесса тратила много времени и сил, сопровождая Софи на светские мероприятия. И слава богу! Эти заботы быстро утомляли леди Тессу, и тогда она неделями уделяла внимание только своим поклонникам.

Тесса полагала, что Софи явилась в Лондон, чтобы найти мужа, точнее, чтобы посоревноваться со своими хорошенькими кузинами в охоте на немногочисленных имеющих в лондонском свете холостых герцогов и таким образом заполучить состояние Пикеринга. Можно предположить, что поведение Тессы было некой формой стратегии — пусть Софи остается в одиночестве, без дамы, которая стала бы ее сопровождать на вечера и балы, хотя Софи, безусловно, имела право бывать в обществе.

Но Тесса не знала, да и никто не знал, что девушка с самого начала не собиралась охотиться за состоянием и даже просто за мужем. Софи ухватилась за шанс избавиться от монотонного существования в Эктоне прежде, чем сама успела осознать, что делает.

Когда пришло письмо Тессы, в котором она излагала план увезти трех кузин в Лондон, чтобы они попытались получить денежки Пикеринга, Софи за час уложила вещи и, не сказав никому ни слова, в тот же день отбыла в столицу.

Здесь, в Лондоне, она впервые в жизни могла, никого не спрашивая, делать все, что хотела, а не сидеть подле вздорной и требовательной женщины, исполняя роль компаньонки, которую к тому же никто не ценит. Софи ни с кем не делилась своими истинными планами.

Она хотела развлекаться. Неудивительно, что развлекало ее совсем не то, что большинство других людей. Она хотела быть свободной, чтобы отдаться собственным интересам — читать. Читать так, чтобы никто не мешал! Боже! Читать, встретить новых, интересных людей...

Честно говоря, в последнем Софи не слишком преуспела, но была полна решимости исправить положение — когда-нибудь... когда под рукой не окажется ничего хрупкого... О, она еще посмотрит мир, прежде чем снова вернется к унылому существованию. Мелочные интриги Тессы как нельзя лучше соответствовали планам Софи.

В те времена, когда обе кузины Софи, Феба и Дирдре, еще не были замужем, все трое провели немало веселых часов — иногда им удавалось избежать общества Тессы, которая отравляла все вокруг. Но теперь, когда кузин, покинувших Лондон со своими мужьями, больше не было рядом, Софи осталась совсем одна.

Если не считать Грэма.

Разумеется, Грэм имел собственный дом в Лондоне, во всяком случае дом имел его отец, герцог Иденкорт. И дом этот был, безусловно, много больше и величественнее скромного обиталища Софи, тем не менее Грэм изо всех сил избегал родительского гнезда. А слушая его рассказы о трех старших братьях, девушка невольно радовалась, что у нее нет ни братьев, ни сестер.

Грэм проводил с ней немало времени, и Софи оценила преимущества затворнического образа жизни.

Молодой человек никогда не подчеркивал, что для девушки она слишком высокая, ибо сам был значительно выше ее, казалось, ему не мешал недостаток светскости у Софи, он не попрекал ее склонностью к ученым занятиям, разве что добродушно поддразнивал, отчего девушке казалось, что на самом деле он эти занятия одобряет.

Грэм был и сам очень умен, хотя редко давал себе труд продемонстрировать это, а его беззаботная веселость служила полезным противовесом глубокомысленности Софи.

Кроме того, он был весьма хорош собой. Высокий, стройный, мускулистый, с очень широкими плечами, на которых сюртук сидел, как у настоящего денди. Светлые выющиеся волосы открывали высокий лоб, зеленые, как морская вода, глаза ярко блестели, скулы были резко очерчены. Ничего не скажешь — красивый мужчина.

Больше всего Софи хотела бы соответствовать такому обществу, но не могла забыть о рыжеватых, а не «золотых» волосах, веснушках и носе, который Тесса называла «проклятием Пикерингов», — горбинка на нем располагалась там, где никакой горбинке находиться не полагалось.

Сейчас она следила, как Грэм энергично отряхивал брюки. А что ему оставалось делать? Леди Тесса не слишком-то баловала слуг ни обращением, ни оплатой. И получала в ответ соответствующее отношение. Софи уже бросила попытки следить за чистотой где-либо, кроме собственной комнаты и этой гостиной, где она проводила редкие и такие драгоценные часы в обществе Грэма, те часы, что он отрывал от своего крайне напряженного графика карточных игр, кутежей, посещения девиц сомнительного поведения и вообще

от того рассеянного образа жизни, которого общество ожидало от повесы младшего сына герцога Иденкорта. По словам самого Грэма, такое поведение практически было его долгом, раз от герцогского титула его отделяют три старших брата.

— В конце концов, кто-то же должен быть черной овцой в стаде. — Грэм вздохнул с мелодраматичным видом, потом ухмыльнулся: — К тому же черное мне к лицу.

Софи все еще сидела перед камином, подобрав под себя возмутительно длинные ноги. Она рассеянно потерла ранку на ладони и подняла глаза на самого умного, сложного и противоречивого мужчину, которого только видела в жизни.

Не то чтобы она встречала многих мужчин. До приезда в Лондон она годами общалась лишь с хозяйкой Эктон-Мэнор и прислугой сплошь женского пола. Софи легко нашла общий язык с двумя мужчинами, за которых вышли замуж ее кузины. Во всяком случае, в их присутствии она не роняла вещи из рук. Тем не менее, лишь познакомившись с Грэмом, Софи по-настоящему сблизилась с мужчиной. Грэм сам помог ей найти верный тон.

— Я не подыскиваю себе жену. И впредь не буду, — сразу сообщил он. — Более того, такой красавец, как я, вам не по зубам. Так что, сами видите, мы вполне можем стать просто друзьями, ибо нет ни одного шанса, что между нами что-нибудь будет.

Успокоенная его словами и довольная, что обрела собеседника, равного ей по уму, Софи вполне удовлетворилась дружбой.

Почти удовлетворилась.

Грэм был прекрасным товарищем — конечно, если не забывал навестить ее. Он был слишком хорош со-

бой — и это ему вредило. Одна только скульптурная челюсть и эта его небрежная улыбка заставляли любую женщину прощать ему все. Прощать заранее. Похоже, Софи была одной из них.

Сейчас Грэм не выказал желания вернуться на прежнее место. Софи уже знала, что это значит. В нем нарастало беспокойство. Такое уже бывало. Он словно бы уставал от карт и мелких интриг общества, а потому являлся к ней. Девушка отмечала, как расслаблялись его плечи, холодная, светская улыбка становилась искренней и теплой. Все это означало, что впереди их ждут чудесные вечера — разговоры и карты. Он слегка жульничал, но и она тоже, только более успешно. И еще, конечно, сплетни. Это уж только по его части, ведь Софи никого не знала, кроме леди Тессы, а та была кузиной Грэма, а потому следовало помалкивать на ее счет.

А потом, когда Софи уже начинала надеяться, что все так и будет продолжаться, он вдруг терял покой, в нем появлялось непонятное возбуждение и словно бы жажда перемен. Разумеется, Софи никоим образом не выказывала разочарования, что он ее покидает. Даже самый слабый намек на слишком сильную привязанность мог прогнать его навсегда. Да никакой привязанности и не было. Во всяком случае, серьезной. Да и какая привязанность, если он для нее явно недосыгаем? Кто она такая? Женщина, явившаяся сюда под выдуманным предлогом? Покинув Эктон практически посреди ночи и взяв с собой деньги, посланные леди Тессой согласно завещанию Пикеринга, Софи знала только одно — она умрет, если останется в Эктоне еще хотя бы на час.

Она просто никто. Слишком непривлекательная, чтобы на ней жениться, и слишком необразованная,

чтобы найти работу. Лишь идиотка способна увлечься мужчиной, который никогда ей не достанется, а Софи не была идиоткой. Заурядная, небогатая «Софи — кол проглотила» знала, что эти дни в Лондоне — украденная радость, что сны заканчиваются пробуждением и что некоторым девушкам лучше вовсе не видеть снов. А потому она взглянула на Грэма с шутивным неудовольствием:

— Значит, вы снова отправляетесь к этой вашей слюнявой любовнице?

«Отлично. Тон получился абсолютно безразличный».

— Вы не должны говорить о таких вещах, — с насмешливым упреком ответил Грэм. — Более того, леди Лила Кристи почти никогда не пускает слюни, разве что в сугубо интимной обстановке.

Глаза Софи сузились. Леди Лила Кристи, светская львица, по слухам, была настоящей волшебницей в области чувственности и эротики. Поразительная красавица, она недавно овдовела, но тут же вышла замуж за единственного человека в Лондоне, чье состояние позволяло содержать столь расточительную жену. Она покорила мужа настолько, что он был готов закрывать глаза на ее внебрачные похождения. Совсем не зная о них он не мог, ибо каждый шаг Лилы — а теперь и Грэма как ее нынешнего возлюбленного — отмечался и ежедневно отражался в печатных сводках этого вездесущего сплетника «Голоса высшего света».

Каждый вечер Софи клялась себе, что ни за что не станет читать этот подлый желтый листок, и каждый день хватала его раньше, чем он оказывался на чайном столике Тессы.

Безвкусный и вздорный бульварный листок не стоил того, чтобы тратить на него время, но для Софи он был единственным способом участвовать в жизни Грэ-

ма вне стен ее дома. О, конечно, она могла посещать те же балы и вечера — как кухню новой маркизы Брукхейвен ее бы, разумеется, стерпели, — и временами Софи поддавалась соблазну или следовала распоряжению Тессы, когда та с запозданием наконец вспоминала о своих обязанностях по отношению к подопечной. Но ведь Софи, как и полагается юной и непременно невинной девушке, появившейся в обществе в свой первый (и последний! Боже, как же она может вернуться теперь в Эктон?) сезон, была абсолютно незнакома с иной жизнью этого города, с другой его стороной — игорными домами, распутными девицами и всем тем, чем занимался Грэм в те часы, когда не был с нею.

Софи оставалось лишь ждать, пока он устанет от этого вихря удовольствий, поддерживать уют и порядок в своей гостиной и при возможности наслаждаться драгоценными вечерами в его обществе. Тогда Грэм развалится в кресле у камина, будет поддразнивать ее, смешить рассказами о своих обросших шерстью братьях, об их страсти к охоте. А может быть, станет рассеянно, но умело наигрывать на пианино, не замечая, как тает от музыки ее сердце.

Он курил табак, который Софи покупала на деньги, предназначенные для покупки книг, и пил ее бренди. Бренди девушка похитила из дома кухни Дирдре, пока та и маркиз Брукхейвен совершали свадебное путешествие.

Конечно, кто-нибудь мог заявить, что молодой леди неприлично без присмотра проводить столько времени в обществе такого известного шалопая, как лорд Грэм Кавендиш. На это Софи могла бы ответить (разумеется, если бы собеседником была женщина — будь это мужчина, Софи наверняка застыла бы от ужаса, а потом уронила что-нибудь хрупкое на пол), что Грэм — кузен

леди Тессы и практически член семьи, а значит, подобные предположения смешны и говорящий должен стыдиться их высказывать.

Эта продолжительная речь была тщательно отрепетирована, но, к несчастью, никому и в голову не приходило озаботиться добродетелью долговязой и невзрачной девицы, не имеющей иных видов на будущее, кроме как стать ученой старой девой. Таким образом, Софи так и не выпало шанса произнести оправдание вслух. В конце концов, ей ведь нечего терять, никакого реального будущего у нее нет, да и Грэм, который ничего не принимал всерьез, включая, слава богу, и Лилу, тоже ничем не рисковал. Так что их тайная дружба никому не приносила вреда и доставляла удовольствие обоим. Этот единственный короткий сезон Софи намеревалась провести так, как пожелает, а желала она посещать музеи и библиотеки. И проводить время с Грэмом.

Положение могло быть иным, если бы она действительно собиралась искать себе мужа или если бы Грэм вдруг задумал жениться и обрести наследника. К счастью, у него не было в этом особой необходимости, ведь его братья планировали размножаться обильно и успешно, вот только убьют последнего слона, добудут еще одного носорога, пристрелят еще одного тигра. В общем, для перемен не было никаких причин.

Оставив Софи, которой было положено рано ложиться спать, лорд Грэм Кавендиш, посвистывая, направился к Иден-Хаусу, лондонской резиденции герцога Иденкорта. Почтенное и древнее имя Иденкорта было прославлено в веках, а городское поместье обширно и очень красиво, но несколько последних поколений не сумели сохранить в достаточной мере ни